СОБЫТИЯ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА В РОССИИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СТРАНЫ

© 2017 г. Михаил Николаевич Марченко¹

В статье рассматривается круг вопросов, касающихся событий 90-х годов и их последствий для страны. Особое внимание при этом уделяется причинам развала Советского Союза.

The article discusses a range of issues relating to the events of 90 years and their consequences for the country. Author analyses the reasons for the collapse of the Soviet State.

Ключевые слова: события, Россия, причины развала, последствия.

Key words: events, Russia, the reasons for the collapse, the consequences.

1. Независимо от того, кем и как именуются события 90-х годов в России: революцией, бюрократической революцией, криминальной революцией или просто – переворотом (как есть на самом деле)², – одним из главных их последствий является, с одной стороны, то, что они «демонтировали» в конечном счете Советский Союз – могучее советское государство, а с другой – породили новое политико-правовое образование – постсоветское государство.

Именуя события 90-х годов “новейшей российской революцией”, рассматриваемой “в контексте той исторической эпохи, которую она завершила и которая была начата Октябрьской революцией”, О. Н. Смолин не без основания полагает, что эта “новейшая революция” могла бы иметь одно из двух последствий.

Во-первых, она могла стать “реставрацией”, хотя и не полной, “дооктябрьских общественных отношений и институтов”. Но поскольку наиболее развитые страны мира ушли вперед, то эта революция могла оказаться консервативной или реакционной революцией. А во-вторых, эта “новейшая революция” могла стать “термидором” – переворотом, не

восстанавливающим дооктябрьские порядки, но исправляющим их от “чрезмерного отклонения вектора общественного развития влево при сохранении основных завоеваний предшествующего периода”³. В этом случае такая “революция”, по мнению автора, могла бы ввести Россию в так называемое общецивилизационное русло, т.е. обеспечить ее движение в направлении развития наиболее успешных в индустриальном и технологическом отношении стран⁴.

Однако, как свидетельствует реальность, “новейшая революция”, создав на обломках “старого”, советского государства новое, постсоветское государство, пошла по иному пути, а именно: по пути внедрения в экономику и общественно-политическую жизнь страны рудиментов западной рыночной экономики XIX в. и нравов дикого капитализма.

Сложившаяся после “новейшей революции” в постсоветском обществе и государстве атмосфера неопределенности, раскола и внутрисоциального распада и перманентная кризисная ситуация в экономике были предопределены мелкобуржуазной природой и характером этой “революции” и в полной мере отражали ее особенности.

Последние были порождены как объективными факторами, обусловленными реальными экономическими, социально-политическими и иными причинами, так и субъективными факторами⁵, отражающими политические взгляды, уровень интеллекта, интересы, наконец, масштаб личности и кругозора

¹ Заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (E-mail: theory.law.msu@gmail.com).

Mikhail Marchenko, head of department of theory of state and law and politology of the law faculty of Moscow state University M. V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor, honored scientist of the Russian Federation (E-mail: theory.law.msu@gmail.com).

² См.: Моисеев Н. Н. Революция или стагнация? // Свободная мысль. 1998. № 9–12; Смолин О. Н. Излом: иное было дано? Проблемы революции, демократии и образовательной политики в социально-политическом процессе 90-х гг. М., 2001; Его же. Политический процесс в современной России. М., 2004; и др.

³ Смолин О. Н. Политический процесс в современной России. С. 253, 254.

⁴ См.: там же. С. 254.

⁵ См.: Крыштановская О. Антология российской элиты. М., 2005; Кочетков В. В. Российская элита и модернизация политической системы. М., 2013; Пастухов В. Б. Реставрация вместо реформации: Двадцать лет, которые потрясли Россию. М., 2012; и др.

ведущих участников событий 90-х годов и “отцов-основателей” постсоветского государства.

2. Говоря об *особенностях событий 90-х годов и об их последствиях*, следует обратить внимание, **во-первых**, на то, что эти события были отчасти вызваны, с одной стороны, накопившимися нерешенными проблемами в так называемый застойный период, а с другой — несбывшимися ожиданиями общества от так называемой перестройки, ее неудачами.

“Перестройка оборвалась, но она победила — довела преобразовательные процессы до того пункта, когда возврат к тоталитарному прошлому был уже невозможен”, — повествовал в своем духе ее главный творец и неудачный проводник М. С. Горбачев после успешного развала Советского Союза⁶.

Каковы причины неудавшейся “перестройки”, не оправдавшей первоначальных ожиданий общества и тем самым подстегнувшей процесс возникновения и развития событий в стране 90-х годов?

Анализируя их, М. С. Горбачев естественно для него и для других последовавших за ним реформаторов и “революционеров” указывал в первую очередь на те “быстро оживавшие и набиравшие силу разноплановые претензии и противоречия, которые накопились за 70 лет советской эпохи”⁷. Иными словами, если бы не было советской власти с накопившимися в ней “разноплановыми претензиями и противоречиями”, то “перестройка” была бы, как минимум, более успешной.

Среди других причин неудач, постигших “перестройку” и фактически способствовавших появлению событий 90-х годов, М. С. Горбачев указывает на следующие: а) на противодействие оппозиции в лице “рвавшихся на авансцену беззастенчивых идеологов и безответственных политиканов”; б) на затянувшуюся реорганизацию государственных институтов как “результат нарастающего противостояния между реформаторским руководством страны и его противниками и оппонентами”; в) на ослабление систем контроля и правопорядка, разжигавшее “стремление части номенклатуры к фактическому захвату государственной собственности”; г) на “снятие тотального контроля над обществом”, которое воспринималось им не как “приглашение со стороны власти к диалогу и сотрудничеству”, но как слабость власти, провоцирующая поведение

в режиме “все позволено”; д) на “фатальное стечение обстоятельств” (Чернобыльская катастрофа, сильное землетрясение в Армении, резкое падение мировых цен на энергоносители), которое “существенно сузило возможности реформирования и подорвало воспрянувший было социальный оптимизм населения”; е) на упущения “в контроле за соблюдением законности, необходимого для обеспечения стабильности в русле крутого политического процесса”; ж) на опоздание “с реформированием Союза”, при котором “нам была нужна *не дезинтеграция СССР*” (курсив мой. — М.М.). “Опоздали с реформированием партии. *Это две самые большие ошибки*”; и з) на неумение “в полной мере воспользоваться первоначально безусловной поддержкой народа”, которую руководство страны в данный период начало терять. “Люди ждали, — констатирует задним числом М. С. Горбачев, — а мы никак не могли решиться пожертвовать старыми подходами и гнали деньги, миллиарды долларов в устаревшие дорогостоящие объекты”. «Надо было сбалансировать потребительский рынок, — рассуждает “после драки” автор, — смелее и жестче развернуть оборонную промышленность на выпуск хороших изделий для народа. Тогда никто не смог бы сбить людей с толку»⁸.

Во-вторых, одна из особенностей событий 90-х годов — “новейшей революции” в России состоит в том, что она, в отличие от традиционных политических, в особенности — пролетарских революций, вызванных интересами и угнетенным своим положением “низов”, *была инспирирована “сверху”*, со стороны фактически стоявших у власти, но до конца не поделивших ее чрезмерно, без всяких на то оснований амбициозных людей — членов одной и той же правящей — Коммунистической партии.

Разумеется, как показали последующие действия победивших “революционеров”, или “реформаторов” (как они себя называли), за этими амбициями стояли самые разнообразные, и *в первую очередь экономические и финансовые, интересы*.

Следует заметить, что в самом начале 90-х годов инициаторы “новейшей российской революции” во главе с их лидером Б. Н. Ельциным, занимавшим едва ли не самые высокие посты в партийной иерархии, пользовались определенной поддержкой среди населения. Этому способствовала прежде всего их активная пропагандистская деятельность, зачастую переходившая в популистскую активность.

⁶ Горбачев М. С. Понять перестройку. Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 21.

⁷ Там же. С. 372.

⁸ Там же. С. 372—374.

Популизм проявлялся “в чистом виде”, когда главный “революционер” начал бескомпромиссную борьбу с привилегиями партийных и государственных чиновников; когда Б. Н. Ельцин демонстративно вместо служебной машины поехал на общественном транспорте; когда прикрепился для обслуживания в обычной поликлинике; когда публично отказался от своих многолетних партийных привилегий в виде дачи, пайков, спецполиклиники и т.д.⁹

“Пока мы живем так бедно и убого, — всенародно заявлял главный борец с привилегиями своих коллег, — я не могу есть осетрину и заедать ее черной икрой, не могу мчать на машине, минуя светофоры и шарахающиеся автомобили, не могу глотать импортные суперлекарства, зная, что у соседки нет аспирина для ребенка”¹⁰. И так далее в таком же духе. На вопрос, куда мы идем, тот ли мы строим дом, который нам нужен и в котором можно если не благоденствовать, то хотя бы сносно существовать, Б. Н. Ельцин твердо заверял всех сомневающихся, что будем жить так, “как живет весь цивилизованный мир”¹¹.

А что касается пути развития постсоветской России, то Б. Н. Ельцин, педалируя тему патриотизма, также твердо отвечал прежде всего тем, “кто повсюду кричит, будто Россия идет к капитализму”, что “ни к какому капитализму мы Россию не ведем. Россия к этому просто не способна. Россия — уникальная страна: она не будет ни в социализме, ни в капитализме, она будет Россией, которая наконец-то сбросила ярмо рабства, дала свободу человеку, свободу предприятиям, свободу предпринимательству, свободу республикам, входящим в состав России, свободу регионам, областям и краям с минимальным давлением из Москвы, с минимальным влиянием бюрократии из центра, с максимальной самостоятельностью на местах, без удельных княжеств”¹².

Подобного рода декларативные заявления Б. Н. Ельцина и его последователей, как и обещания обеспечить всем достойный уровень жизни, несомненно, в начале 90-х годов оказывали определенное воздействие на некоторые слои населения, которые поддерживали проводимые в стране “революционные” преобразования. Но это длилось до тех пор (примерно до середины 90-х годов), пока сбитое с толку население не стало, особенно после

проведенной новой властью “приватизации” и других подобных мер, сказочно обогативших власть предержащих и их окружение и отбросивших до 40% населения за черту бедности¹³, чувствовать и осознавать себя грубо обворованным и цинично обманутым.

В этой связи не случайно ближайший к Б. Н. Ельцину его бывший охранник А. Коржаков, по-видимому, почувствовав нечто подобное угрызениям совести, обращаясь после своей отставки к бывшему шефу, откровенно заявил: “Раньше мы с вами думали, что обманываем людей ради продолжения реформ, ради демократии. А нынче ясно, что все это вранье нужно лишь вашей семье да горстке людей, приватизировавших власть”¹⁴.

В-третьих, среди специфических черт и особенностей “революционных событий” 90-х годов следует указать на то, что они подготавливались и развивались *под влиянием западной политической идеологии и мифологии*.

При этом речь идет не только и даже не столько о том, как свидетельствовал лидер российской “новейшей революции” Б. Н. Ельцин, что “мы учимся у цивилизованных стран традициям современных выборов”¹⁵ или решению других частных и конкретных вопросов, но что в данный период были полностью восприняты и начали реализовываться с помощью западных, в основном американских, советников “дикая” рыночная идеология начала XIX в. и ассоциирующиеся с нею мифы и утопии.

В отечественной литературе в связи с этим верно утверждается, что внедрение прозападных, либеральных мифов в массовое сознание наряду с другими факторами “обеспечило победу новейшей российской революции и во многом предопределило нынешнее состояние постсоветского общества”¹⁶.

В обойме наиболее распространенных в этот период и отчасти действующих поныне мифов социологами и политологами особо выделяются следующие мифы: а) миф, согласно которому “рынок решает все”. При этом под “все” имеются в виду не только сугубо экономические, торговые и иные тому подобные проблемы, но и проблемы, возникающие во всех других сферах жизни

⁹ См.: Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 123—126.

¹⁰ Там же. С. 125.

¹¹ См.: там же. С. 123—126.

¹² Ельцин Б. От реформ в России не отступлю // Аргументы и факты. 1992. № 42. С. 1, 2.

¹³ См.: Оситов Г. В. Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М., 1997. С. 47.

¹⁴ Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997. С. 394.

¹⁵ Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. С. 128.

¹⁶ Смолин О. Н. Политический процесс в современной России. С. 159.

общества. Абсолютизация рынка, как показал российский постсоветский “опыт”, губительно сказывается как на эффективности экономики, так и на развитии общества и государства; б) миф о том, что *приватизация государственной (“общенародной”) собственности является эффективным средством повышения благосостояния граждан и решения возникающих в обществе социальных проблем*. Доля правды при этом заключается в том, что приватизация, особенно в ускоренном, *намеренно поспешном варианте*, как она осуществлялась в 90-е годы в России, а отчасти и в настоящее время, создает все условия для обогащения, “повышения благосостояния” одних – ничтожной части общества и обнищания других – остальной части общества. Кроме того, приватизацию крупных, стратегически важных объектов с участием иностранного капитала, утверждают эксперты, необходимо тщательно просчитывать и “пресекать в корне, если Россия надеется сохранить свою национальную экономику суверенной, не подверженной частым и интенсивным атакам спекулятивного капитала”¹⁷. “Недомыслие” в вопросах приватизации помимо всего, сообразуясь с российской действительностью, заключают эксперты, “грозит ростом социального напряжения в связи с неисполнением государством обязательств перед гражданами”¹⁸, поскольку вместе с утратой своей стратегически важной собственности оно лишается значительной части необходимых для выполнения своих социальных обязательств средств; в) *идеологический миф*, заимствованный российской “пятой колонной” на Западе, о том, что *Советский Союз был “последней колониальной империей”, а Россия по отношению к входившим в Союз союзным республикам выполняла роль метрополии*. При этом распространителей данного мифа вовсе не смущало то, что их представление об империи диаметрально противоположно давно разработанному и широко используемому в научной литературе понятию империи, так же как и метрополии, в значительной степени живущей за счет эксплуатации колоний¹⁹. По этому поводу исследователи верно замечают, что «Россию очень трудно признать метрополией, ибо она отдавала немалую часть своего национального дохода другим республикам, а по крайней мере Украину, Белоруссию и Прибалтику невозможно признать колониями,

ибо они имели более высокий уровень жизни, чем “метрополия”»²⁰.

Кроме названных мифов во время событий 90-х годов и позднее в постсоветской идеологии использовались и другие мифы, которые в своей взаимосвязи, а нередко – взаимодействии и взаимодополнении составили либеральную мифологию²¹.

В-четвертых, одной из черт и особенностей “революционных” событий 90-х годов было *проведение их под флагом антисоциализма* (“антикоммунизма”) и *антисоветизма, отождествлявшихся с тоталитаризмом*, а представителями “пятой колонны” – даже с фашизмом.

Еще в период “перестройки” – предтечи событий 90-х годов М. С. Горбачев засомневался: тот ли это был социализм, при котором он – комбайнер – получил образование в лучшем вузе страны и стал высшим должностным лицом в правящей партии и государстве.

“То, что мы имели, – твердо, нисколько не смущаясь, заявлял бывший Генеральный секретарь ЦК КПСС и Президент советского социалистического государства М. С. Горбачев, – это не тот социализм, приверженцем которого я стал себя считать. Мне ближе всего стали свобода (это, кстати сказать, либеральная ценность), социальная справедливость, рыночная, социально ориентированная экономика и связанная с этим роль государства”²².

Вслед за М. С. Горбачевым засомневался в социализме и “состоявшийся” благодаря ему, бывший высокопоставленный член правящей в то время Компартии, лидер “новейшей российской революции” Б. Н. Ельцин. “Сегодня много пишут про обновление социализма, – рассуждает он. – Но это, мягко говоря, плохая защита социализма, ибо можно обновлять то, что уже существует во времени и пространстве”²³.

Все сомнения видных деятелей КПСС и советского государства, передававшиеся их сторонникам и последователям, логически, под влиянием западной идеологии завершились тем, как

¹⁷ Мухин А. Очередь на распил. Кому нужна поспешная приватизация энергетических компаний? // Аргументы и факты. 2013. № 15. С. 26.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Бабурин С. Новая русская империя. М., 2013.

²⁰ Смолин О. Н. Политический процесс в современной России. С. 160.

²¹ См.: Осипов Г. В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000; Колесников А., Привалов А. Новая русская идеология: хроника политических мифов. М., 2001; Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность. 1992–2002. М., 2002; и др.

²² Горбачев М. С. Понять перестройку. Почему это важно сейчас. С. 26.

²³ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. С. 126.

констатируют эксперты, что “обновленная российская политическая элита” в качестве ориентира дальнейшего развития российской общественно-политической и государственной системы «четко определила западную модель общества, прежде всего в американском варианте (правда, нередко искаженном)»²⁴.

В связи с антисоциалистической и антисоветской направленностью “новейшей российской революции” и, как следствие, — *развалом СССР* небезынтересно обратить внимание на то, что на возможность подобного развития событий указывал еще в 1939 г. И. В. Сталин. Правда, хотя все эти деяния “отец народов” приписывал в первую очередь не коллаборационистски настроенной “политической элите” — российским “патриотам”, а международным силам, включая “мировой сионизм”, но, тем не менее, ход российской истории в принципе был предугадан правильно.

Предвосхищая ход развития общественно-политической системы России в будущем, И. В. Сталин замечал, что “многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как *варварскую страну и как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут много злодеяний*”.

И далее. “Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться. Сила СССР — в дружбе народов. Острие борьбы будет направлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на *отрыв окраин от России*. Здесь, надо признаться, мы еще не все сделали. С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, но только на некоторое время. *Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций*” (курсив мой. — М.М.).

И в заключение. “И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к деяниям и победам нашего социалистического Отечества. Новые поколения поднимут знамя своих отцов и дедов. Свое будущее они будут строить на примерах нашего прошлого”²⁵.

²⁴ Смоллин О. Н. Политический процесс в современной России. С. 213.

²⁵ Цит. по: Карпов В. Генералиссимус. Книга вторая. О войне после войны. Мужают не только в бою. М., 2002. С. 293, 294.

В-пятых, заметная черта и особенность “новейшей российской революции” наряду с названными ее особенностями проявилась в *попытках если не подменить, то существенно “скорректировать”* под лозунгами борьбы за будущую цивилизованную Россию *традиционные российские ценности*.

При этом речь идет не только о советских политических ценностях, которые в силу мировоззренческих причин новой “элиты” отвергаются ею, что называется, с порога. Имеются в виду *попытки “корректировки” или подмены традиционных российских ценностей и морали*, таких как коллективизм (“чувство локтя”) — антипод эгоизма, взаимопомощь, бескорыстие, порядочность, любовь к Родине, патриотизм и др., *рыночными ценностями и моралью*, где на первом месте стоит не человек как высшая ценность с его высоким уровнем духовности и порядочности, а нажива, прибыль, деньги как высшая ценность и т.п.

В результате таких частично удавшихся попыток подмены в 90-е годы традиционных российских ценностей и морали рыночными атрибутами «за постсоветское время, — констатируют отечественные исследователи, — у нас выросло и сейчас все больше заявляет о себе новое поколение российских граждан, воспитанное на меркантильных буржуазных ценностях, с молоком матери впитавших идеологию “дикого рынка”», для которых “основной жизненной целью стало стремление к обогащению любой ценой”²⁶.

В-шестых, одна из весьма важных отличительных черт и особенностей “революционных” событий 90-х годов, а по сути, государственного переворота, приведших в конечном счете к *развалу Советского Союза* — мощного конкурента США и их союзников, — *широкая (явная или скрытая) поддержка этих событий как со стороны время от времени проявляющейся в стране пятой колонны, так и извне*.

В этой связи следует заметить, что предпринимаемые еще и в настоящее время некоторыми бывшими придворными “царя Бориса” попытки внедрения в общественное сознание мифа о едва ли не о самораспаде СССР в силу экономических и других причин типа “информационного вируса” зависти, проявившего себя в полную мощь в конце 1980 — начале 1990 г.²⁷, *без учета внешнего фактора*, рассчитаны на весьма ограниченный круг

²⁶ Кураков В. П. Модернизация мировоззрения? Заметки по поводу // Национальные интересы. 2010. № 3. С. 26.

²⁷ См.: Распад СССР. Документы и факты (1986—1992 гг.). Т. 1. Нормативные акты. Официальные сообщения / Под общ. ред. С. М. Шахрая. М., 2016. С. 61—68.

людей, формирующих свое мнение о происходящих в стране событиях лишь на основе официальных и полуофициальных сводок и их соответствующих комментариев.

Однако дело при этом обстоит совсем не так, как это следует из рассказов придворных “царя Бориса”. Основная причина заключается в том, что в процессе разрушения СССР не учитываются, с одной стороны, общеизвестные факторы мощного влияния на этот процесс со стороны пятой колонны, которая в течение длительного времени подтачивала на средства западных “демократий”, основы советского государства, а с другой — намеренно, судя по всему, игнорируются внешние факторы, а именно: факторы воздействия на процесс разрушения СССР со стороны США и их союзников.

Весьма показательно в этом плане заявление возглавлявшего США в 90-е годы президента Дж. Буша-старшего и его советника по национальной безопасности Б. Скоукрофта о том, что после развала СССР администрация Буша “достигла национальной цели, которая стояла перед Америкой с 50-х годов и за что многие американские патриоты отдали свои жизни”. “Эта цель, — повествуют авторы, — стала ближе в период администрации Рональда Рейгана: освобождение Восточной Европы и ликвидация смертельной угрозы Соединенным Штатам. То, что начиналось как политика сдерживания, проводившаяся администрацией Гарри Трумэна и последующими администрациями, нам довелось довести до логического конца”²⁸.

Авторы с нескрываемым удовлетворением отмечают, *во-первых*, что положения Соглашения об СНГ “звучали так, как будто они были специально сформированы с учетом выдвинутых нами условий признания (курсив мой. — М.М.)”; *во-вторых*, что “после подписания Соглашения о Содружестве Независимых Государств Ельцин методично завершил демонтаж СССР”; и, *в-третьих*, что Б. Ельцин сразу же (“не прошло и десяти минут”) после подписания Соглашения доложил об этом Дж. Бушу, предварительно сказав подобострастно и “доверительно” о том, что “Президент Горбачев (Президент СССР. — М.М.) пока об этом не знает” и что “мы надеемся на ваше понимание”²⁹.

Политику закрепления с помощью Б. Ельцина статуса “победителя” в холодной войне с СССР и дальнейшего давления на Россию — преемницу Советского Союза продолжили позднее

администрация Б. Клинтона³⁰ и все последующие американские администрации.

3. Помимо названных черт и особенностей “новейшей российской революции” — событий 90-х годов, выделяющих ее среди других революций, в частности Октябрьской революции 1917 г., она обладает и другими особенностями, в той или иной мере касающимися ее формы, сущности, содержания, целевых установок, методов осуществления и т.д.

В своей совокупности все эти особенности и черты не только дают общее представление о “революции” 90-х годов, но и свидетельствуют о ее социально-политической и иной роли в жизнедеятельности постсоветского общества и государства, а *главное* — о ее *последствиях для страны*.

А эти последствия как в целом для страны, так и для каждой из сторон ее развития, по свидетельству многочисленных источников, являются, мягко говоря, далеко не утешительными. В частности: а) вместо обещанного преодоления в стране экономического “застоя” как одной из целей “революции” получили “глубочайший кризис”, в том числе абсолютный мировой рекорд по глубине спада в мирное время; б) вместо вхождения в “цивилизацию”, как было обещано, начали строить “дикий, криминальный, бюрократический капитализм”; в) вместо избавления от привилегий высокопоставленных чиновников и бюрократии “добились” соединения власти бюрократии и бывшей “общенародной” собственности. На базе разворованной властью во главе с Б. Н. Ельциным и его полукриминальной “семьей” государственной собственности породили такую же, *полукриминальную и криминальную олигархию*; г) вместо обещанной “экологии культуры” и “культурного катарсиса” получили господство пошлости и насилия в средствах массовой информации; д) вместо повышения жизненного уровня населения и укрепления его благосостояния “добились” многократного их падения по сравнению с советским периодом развития российского общества³¹.

Говоря более подробно о последствиях влияния “новейшей революции России” на развитие *отдельных сфер жизнедеятельности постсоветского государства и общества* и о проводимой либеральным правительством политики в начальный период,

³⁰ См.: *Clinton B. My Life*. N.Y., 2004.

³¹ См.: *Смолин О. Н.* Политический процесс в современной России. С. 66, 67; *Говорухин С. С.* Великая криминальная революция. М., 1993; *Бойков В. Э.* Россия: десять лет реформирования // Социс. 2001. № 7; и др.

²⁸ *Буш Дж., Скоукрофт Бр.* Мир стал другим. М., 2004. С. 12.
²⁹ Там же. С. 492, 493.

следует прежде всего обратить внимание на меры, предпринимавшиеся правительством в экономической сфере, и на их последствия — это так называемые шоковая терапия; либерализация цен; обвальная приватизация; заметное сокращение бесплатных услуг для населения; введение платного образования и медицинского обслуживания; предпринимавшиеся правительством судорожные меры по сокращению галопирующей инфляции, по стабилизации финансовой системы и уменьшению роста цен и др.

В результате принятия и осуществления постсоветским государством такого рода “либеральных” мер (согласно социологическим данным) за период с 1991 по 1996 г. уровень падения промышленного производства составил 47%, т.е. фактически началась *деиндустриализация страны*. И наоборот, увеличилась доля импортной продукции, в том числе продуктов питания — на 40%. Это означало *нарастание стратегической зависимости страны* от импортных поступлений из других стран.

К 1996 г. резко сократилось финансирование науки (до 0,42% ВВП), которое неизбежно вело к разрушению отечественного научно-технического потенциала. Как следствие технологического отставания страны, сократилась (до 10%) доля в экспорте высокотехнологичной продукции³². И наоборот, увеличилась доля экспорта сырьевых ресурсов, что свидетельствовало о том, что в стране начала формироваться преимущественно сырьевая структура экономики.

Успешная (с точки зрения “новых революционеров”) реализация либеральных мер в сфере экономики постсоветского государства самым непосредственным образом отразилась и на всех других сферах жизни общества: на образовании, медицинском обслуживании населения, в области культуры и др.

Осуществление подобного рода мер привело к расколу общества и делению его на “сверхбогатых” и “сверхбедных”; соотношение доходов 10% одних к 10% других было в рассматриваемый период 15 к 1.

Ставшие регулярными в это время сокращения рабочей силы в различных отраслях хозяйства, в научных и других учреждениях, резкий

³² См.: *Осинов Г. В.* Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М., 1997. С. 47, 48.

рост безработицы (свыше 13%) и другие подобного рода явления как следствие “либеральных” мер, проводившихся постсоветским государством в “послереволюционный” период, посеяли тревогу и неуверенность населения в завтрашнем дне, породили условия, при которых, как показывает исторический опыт довоенной Германии, Италии и некоторых других стран, *наступает, как правило, моральная и духовная деградация общества*.

В постсоветской России к этому добавились помимо всего прочего резкое падение рождаемости, приведшее к образованию так называемой *демографической ямы*, падение уровня жизни подавляющего большинства населения и, как следствие, превышение смертности над рождаемостью, сокращение средней продолжительности жизни населения и др.³³

Рассматривая последствия “новейшей революции” для нашей страны, следует заметить, что они сказались не только в первые годы существования и функционирования постсоветского государства и “либеральной” власти, но дают о себе знать и в настоящее время.

Это касается, в частности, относительно низкого уровня жизни населения, углубления раскола в обществе в силу материального и социального неравенства, где 10% богатой и сверхбогатой части населения (без чиновников) владеют 71% личных активов³⁴, сохранения зависимости ряда отраслей промышленности и сельского хозяйства от импорта из европейских и других стран, усиления влияния иностранного капитала на экономику страны, под юрисдикцией которого, как отмечалось еще в 2013 г., находится “почти вся крупная собственность России — около 90%”³⁵, и др.

Последствия “революционных” событий 90-х годов сказываются на жизнедеятельности современного российского общества и государства и в других отношениях.

³³ Подробнее об этом см.: там же. С. 47—50; *Смолин О. Н.* Политический процесс в современной России. С. 273—276; и др.

³⁴ См.: *Делягин М.* Попрошайки-олигархи // Аргументы и факты. 2013. № 6. С. 5.

³⁵ *Зюганов Г. А.* Доклад на Всероссийском съезде депутатов-коммунистов и сторонников партии // Сов. Россия. 2013. 11 июня.